ЕВРОПА 21.04.2020 | Кристоф Сомбати

Социальный дарвинизм Орбана

Режим прямого правления Орбана – это не просто захват власти. Он должен поддержать его социально-экономическую модель во время кризиса.

Данная статья также доступна на английском языке

30 марта парламент Венгрии принял закон, наделяющий венгерское националистическое правительство полномочиями по осуществлению прямого правления. Международные СМИ и обозреватели поспешили охарактеризовать этот шаг как последний гвоздь в гроб венгерской демократии. Однако Венгрия перестала быть образцовой демократией еще до начала текущего кризиса. Как справедливо отметила Бея Бако, Орбан фактически уже десять лет управляет страной в режиме прямого правления. Законодательный процесс функционирует за счет ручного парламента, где депутаты от правящей партии «Фидес» одобряют законопроекты без особых дискуссий (если необходимо, то и под покровом ночи), после чего президент республики добросовестно их подписывает и вводит в действие.

Опыт жизни в потемкинской демократии и осознание политической театральности большинства значимых шагов Орбана – все это предопределило общенациональную реакцию на нынешнюю чрезвычайную ситуацию. Многие комментаторы в соцсетях сходились во мнении, что и в прежние времена ничто не мешало Орбану делать все то, что он может делать сейчас (хотя нововведенные тюремные сроки за распространение дезинформации могут теперь использоваться для усмирения критиков). А эксперты убеждены, что главная цель Орбана – поставить ловушку для оппозиции. Они исходят из того, что Орбан специально выдвинул неприемлемые условия, такие как отказ установить определенные временные рамки для чрезвычайной ситуации, вследствие чего у оппозиционных партий не остается иного выхода, кроме как голосовать против ее продления. Тем самым, как считают эксперты, у Орбана появляется возможность заявить, что его оппоненты стремятся воспрепятствовать его усилиям по защите венгерского народа, и это позволит ему вновь прибегнуть к избитому, но прочно

устоявшемуся клише по поводу «непатриотичной» оппозиции.

Без сомнения, борьба за контроль над пропагандистскими штампами является сейчас ключевым приоритетом для правительств любого толка, а потому этот аргумент имеет большой вес. Более того, нынешний кризис явно создает благоприятные условия для сильных лидеров с националистическим уклоном, стремящихся накопить политический капитал за счет демонстрации твердой руки.

И все же попытка трактовать чрезвычайные законодательные меры как тонкий ход в политической шахматной игре ущербна в двух отношениях. С одной стороны, выводы делаются на основании опыта, полученного из политической жизни в нормальные времена, и в значительной мере упускается из виду тот факт, что мы сейчас имеем дело с кризисной ситуацией. Сделанная под давлением общественности уступка правительства в вопросе закрытия школ и его отход от собственного решения по лишению автономии избранных мэров под давлением своих мэров из рядов «Фидес» – все это служит подтверждением тому, что в кризисные моменты общественное мнение становится менее контролируемым, а верные партийные соратники, в свою очередь, – менее благонадежными. При этом и зарубежные, и венгерские обозреватели не уловили связи между чрезвычайными законодательными мерами и правительственной стратегией по преодолению коронавирусного кризиса.

Антикризисная активность венгерского государства выделялась на фоне остального ЕС малым объемом антикризисного резервного фонда (стоимость фискальных мер – менее 1 процента ВВП) и общей направленностью соответствующих мероприятий. Национальный банк Венгрии и венгерское правительство пошли по стопам других европейских стран, когда их представители 7 апреля объявили о том, что бизнесу будут предложены дешевое кредитование и налоговые каникулы. Но до сего дня венгерское государство предложило бизнесу намного меньше поддержки в плане сохранения рабочих мест, чем другие государства из этого же региона, и даже в отношении своих граждан и местных органов самоуправления Венгрия не проявила бо□льшей щедрости. Притом что 4 тыс. венгров ежедневно теряют работу (внушительная цифра для страны с десятимиллионным населением), венгерское правительство по-прежнему ничего не предпринимает для того, чтобы оказать им помощь, разве что заморозило выплату частных ипотечных кредитов. При этом правительство отказалось увеличить срок выплаты пособия по безработице, доступ к которому у граждан открыт лишь на протяжении 90 дней (самый короткий срок в ЕС) или увеличить

размер универсального семейного пособия (которое составляет приблизительно 40 евро на одного ребенка). И вместо активной поддержки местных органов власти, тонущих в потоке заявлений о срочном предоставлении социальной помощи, правительство лишает их будущих доходов.

Чрезвычайные законодательные меры кажутся определенным стратегическим ходом, призванным максимально оградить исполнительную власть от возможных перепадов общественного мнения, а также давления со стороны победивших на выборах политиков

Создается впечатление, что решение двигаться в противоположном от большинства других европейских правительств направлении имеет две стратегические предпосылки. Первая заключается в неприятии венгерским правительством несбалансированных бюджетов и государственного долга. Скромный пакет мер по смягчению последствий кризиса объяснялся тем, что в борьбе с кризисом Венгрии необходимо полагаться на свои собственные ресурсы. Это вписывается в долгосрочные политические и экономические цели «Фидес» по снижению размеров государственного долга с тем, чтобы ограничить зависимость Венгрии от зарубежных кредиторов и во что бы то ни стало избежать повторения «фиаско с МВФ», пережитого их предшественниками. Вторая предпосылка заключается в необходимости любой ценой сохранить ту социальную модель, которую выстроила «Фидес». С точки зрения Орбана, предложить «свободные деньги» безработным равносильно культивированию культуры заслуженности этой поддержки с их стороны. Это также негативно скажется на «трудовом обществе», которое он преподносит как альтернативу западноевропейскому государству всеобщего благосостояния.

Одним словом, Орбан не готов предложить пакет антикризисных мер, который был бы сопоставим с экономическими и социальными последствиями пандемии. И все его усилия подчинены сохранению эксплуататорской «машины роста» (сочетания низких налогов, стремительной дерегуляции и постоянно сокращаемого «государства всеобщего неблагоденствия»), которая является самым важным источником его легитимности. Объяснение Орбана в

защиту курса своего правительства – «нет свободных денег» – кажется особенно циничным в свете того факта, что к лояльным олигархам, которые получили миллионы евро за счет европейских и государственных субсидий, никто не обратился с просьбой сделать вклад в «общие усилия» по защите Венгрии. Этот безжалостный социальный дарвинизм – никакого бесплатного завтрака для бедных – был прикрыт ничем не обеспеченным обещанием Орбана «не бросать ни одного венгра на произвол судьбы».

С этой точки зрения чрезвычайные законодательные меры кажутся определенным стратегическим ходом, призванным максимально оградить исполнительную власть от возможных перепадов общественного мнения, а также давления со стороны победивших на выборах политиков. Проще говоря, этот ход позволяет Орбану защититься от трех рисков.

Во-первых, данный ход устраняет риск утраты своего парламентского супербольшинства в период кризиса. Чтобы это произошло, достаточно заболеть одному-двум депутатам от «Фидес». Утрата своего супербольшинства будет расценена как признак слабости Орбана, и это в том числе может посеять смятение в рядах его сторонников. Это будет также означать, что при внесении изменений в ключевые законодательные акты «Фидес» придется договариваться с оппозицией, и тем самым будет подорван бережно выстроенный имидж Орбана как «спасителя нации».

Во-вторых, режим прямого правления премьер-министра и правительства нивелирует возможность политического влияния со стороны парламентариев. Особенно острой проблемой, которая стоит сейчас перед венгерским правительством, является то, что такие ключевые пропагандистские штампы, как «миграционный кризис», «антисоросизм» и «космополитическая брюссельская элита» (которые в совокупности формируют образ нации, подвергающейся угрозе из-за притока беженцев и нечестивого союза Джорджа Сороса и Европейской комиссии), во многом утратили свою актуальность с началом нынешнего кризиса.

Хотя в первые дни пандемии Орбан и предпринял попытку связать COVID-19 с иммиграцией мусульман, это оказалось холостым выстрелом, поскольку стало очевидно, что главными источниками риска были не иранские студенты, а венгры, возвращающиеся из Италии и Австрии. Ослабевание пропаганды означает, что общественное мнение становится менее контролируемым и более изменчивым, чем раньше. Это, в свою очередь, повышает вероятность давления на политиков со стороны общественности,

чтобы те проводили в жизнь политическую линию, направленную на увеличение бюджетного дефицита или идущую вразрез с социально-экономической доктриной «Фидес». Выведение парламентариев из игры не устраняет этот риск в полной мере, но позволяет реально свести его к минимуму.

И, в-третьих, чрезвычайная ситуация обеспечивает юридический механизм для внедрения по-настоящему исключительных мер в случае необходимости. С позиции сегодняшнего дня это кажется отдаленной перспективой. Но затягивание кризиса может поставить на колени экспортно ориентированную экономику Венгрии. В подобной ситуации у Орбана имеется сценарий задействования полиции и армии для обеспечения общественного порядка и предотвращения массовых грабежей и/или протестов – как альтернатива открытию государственной казны для всех нуждающихся. Это, разумеется, повлечет за собой значительное скатывание в авторитаризм – даже по венгерским меркам. Тем не менее это идет в одном ключе с последовательным внедрением институционального авторитаризма, который привел к ослаблению политической и гражданской оппозиции и позволил «Фидес» преодолеть малый политический кризис, спровоцированный переписыванием Трудового кодекса в 2018 году. А потому есть все основания полагать, что режим прямого правления премьер-министра и правительства поможет «Фидес» сохранить свою социально-экономическую модель социального дарвинизма, выстраиваемую с 2010 года. Этот режим может также позволить Орбану предотвратить ту форму народного протеста, которая сыграла роковую роль в судьбе его леволиберального предшественника во время последнего глубокого экономического спада.

Кристоф Сомбати
Галле

Кристоф Сомбати (Kristóf Szombati) является научным сотрудником в Институте социальной антропологии Общества развития науки им. Макса Планка в Галле (Германия), где он исследует нелиберальное

государственное управление в Венгрии. В 2007 году был одним из основателей политической партии «Политика может быть другой» (LMP), из рядов которой он вышел четыре года спустя для получения PhD в Центрально-европейском университете (Central European University). Недавно он опубликовал книгу под названием «Восстание провинций: антициганизм и политический курс правых сил в Венгрии», в которой анализируются микроосновы поворота Венгрии в сторону антиэгалитаризма и авторитаризма и делается акцент на роли расы и класса в утверждении гегемонии правых сил.

